

18+

Юлия Афиногенова

ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН

Призраки моих историй

d out
alth
ial v
n R
ne of y
some
lackt
ay.
watch
nigh
atin
or a
g-pla
f big-
me y
nich
berw
tens
n p
mer
v
ng c
ond

Юлия Афиногенова

**Готический роман.
Призраки моих историй**

«Издательские решения»

Афиногенова Ю.

Готический роман. Призраки моих историй / Ю. Афиногенова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535684-0

Шарлиз Макклеин пишет готические произведения, пронизанные мистикой, ледящими душу историями с необычной развязкой. Ее главная цель — увлечь и шокировать читателя. Жаль только, что реальность решила сыграть с девушкой злую шутку, превратив ее жизнь в такой же жуткий мистический роман. Герои ее книги оказываются не просто фантазией, а воспоминаниями из прошлого, и один из них в образе жуткого демона уже следует за Шарлиз по пятам.

ISBN 978-5-00-535684-0

© Афиногенова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Готический роман Призраки моих историй

Юлия Афиногенова

© Юлия Афиногенова, 2023

ISBN 978-5-0053-5684-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю эту книгу близким и всем тем, кто когда-либо оставил в моей жизни след. Особенно хочу поблагодарить тех, кто остался со мной и до сего дня. Они даже не догадываются о том, как помогли мне развить свой талант и создать это произведение, вдохновляя меня.

Глава 1

«В старом заброшенном особняке пахло сыростью. Половина оконных рам были сломаны, а через разбитые стекла попадал дождь. Деревянные прогнившие половицы скрипели, с потолка капала темная вода. В ветреную погоду дом покачивало из стороны в сторону и он будто бы обретал жизнь. Он то завывал низким утробным голосом, словно оголодавший зверь, то насвистывал знакомую лишь ему мелодию.

Местные жители никогда сюда не заходили и вообще обходили дом стороной. Поговаривали, что в нем живут призраки умерших хозяев, но никто толком не мог объяснить, что с ними случилось.

Ходили слухи, что в 1800-х годах тут жила молодая семья, и у них было двое троих сыновей очень разных красавиц дочерей, которые погибли загадочной смертью, после того как в их графство приехал некий джентльмен с прекрасными манерами и запятнанной репутацией».

Так, и что потом? Что-то мне уже скучно, а что же почувствует читатель? Закроет книгу прямо в начале. На что-то это уже похоже, а на что, не помню. Еще одна история о призраках, и все они какие-то одинаковые, ничего нового. Может, зря я взялась за эту книгу? У меня и сюжета толком нет. Не выйдет из меня хорошего писателя. А может, это лишь моя врожденная неуверенность в себе. Я всегда была слишком требовательна к себе, вечно копалась в своих недостатках, которые не замечали окружающие. Иногда мне кажется, что я впадаю в глубокую меланхолию из-за своих собственных фантазий. Но мне свойственно фантазировать, я же писатель, так что мне это простительно. Я же заслуживаю прощения, правда же?

Итак, готический роман. Что же это такое? Википедия говорит, что это история, основанная на приятном ощущении ужаса. Его можно назвать романтическим «черным романом». В произведении подобного рода присутствуют элементы сверхъестественного, а также таинственных приключений, фантастики и мистики (семейные проклятия и жуткие привидения). Развивался жанр в основном в англоязычной литературе. А еще действия его обычно происходят в старых замках и крепостях. Ну да, а еще тут обязательно должны быть красотки принцессы или знатные дамы в пышных неподъемных платьях. Кто-то будет страдать от меланхолии, пить яд и падать с утеса. Обязательно! Как же без самоубийств! Утонченные красавицы, перетянутые корсетами, страдают от безответной любви к таинственным незнакомцам, а потом оказывается, что этих незнакомцев вовсе нет в живых – они оборачиваются призраками, вампирами или восставшими из мертвых юношами. Вот так поворот событий! Англия со своим климатом просто обязывает писать подобные произведения.

Меня зовут Шарлиз Макклеин, и моя печатная машинка (досталась от бабушки) просто сходит с ума под моими пальцами каждый раз, как я сажусь за работу. Снова льет дождь уже какой день. Время для готических историй. Только мало чего лезет в голову. Моя семья живет на окраине Ливерпуля уже много лет. Никогда никуда не переезжали. Живем в своем уютном стареньком двухэтажном домике. На втором этаже всего две комнаты. В одной из них я и пишу в свободное время от учебы, а его у меня слишком мало. Много времени отнимают некоторые предметы, которые мне вовсе не нужны. Я хочу лишь писать. Ничто не отнимет у меня этого. Жаль, что нельзя останавливать время. Тогда бы я все успевала.

В прошлом месяце я отправила свои истории в несколько издательств Великобритании:

1. Random House – крупное издательство, которое как раз специализируется на современной и классической литературе, детективах, фантастике, мемуарах.

2. Harper Collins, которое в 2015 году опубликовало роман *Go Set a Watchman* писательницы Харпер Ли, прославившейся благодаря книге «Убить пересмешника» – одно из моих любимых произведений.

3. Macmillan, выпускающее художественную и учебную литературу.

Может, я слишком высокого о себе мнения, если пишу таким серьезным людям, ведь они выпускают мировую литературу, бестселлеры, гениальные произведения. Но попытка не пытка. Ну и, конечно, я написала в несколько мелких издательств, о которых мало кто знает. Нужно же сделать все возможное, чтобы меня заметили. Не хочу быть, как мой папа Джон. Он преподает французский и английский языки. Написал несколько учебников, так и остался незамеченными и бросил любимое дело. Сейчас ему уже пятьдесят и все его труды пылятся на полках парочки книжных магазинов. Как вы поняли, он преподает в том же университете, в котором я учусь. У нас вечное противостояние. Не может понять художественную литературу, думает, что она бесполезна, только для того и создана, чтобы убить время. С этим я спорить не буду, у каждого свое мнение и ценности; но я никогда не пойму, как можно забросить свою мечту, не пытаться добиться большего и довольствоваться тем, что есть. Я не хочу быть одним из призраков своих историй, которых никто не замечает и обходит стороной, и обязательно добьюсь большего, чем мой отец.

«Вам следует увеличить свой словарный запас, а для этого нужно читать не только любовные романы», – однажды сказал одной моей знакомой писательнице один редактор, не прочитав и строчки из ее произведения, отчего я была в ярости.

Она никогда не страдала от любви к любовным романам, но почему-то он решил, что она похожа на девушку, которая от них в восторге. Для меня такое заявление было возмутительным. Тогда я сказала этому страдающему лишним весом мужчине с редкими седыми волосами и сальным лбом, что ему стоит хоть иногда выходить из своей конуры на свежий воздух и научиться общаться с людьми, чтобы перестать мыслить штампами. Тогда, возможно, он сможет понять своим престарелым умишком, что женщины современности намного эрудированнее, чем он думает.

Не понимаю, почему он решил, что если она девушка, то читает только подобного рода литературу и априори пишет плохо. Еще бы попросил ее взять мужское имя как псевдоним, мотивируя тем, что только так книгу будут читать. Из-за таких, как он, талантливым людям приходится страдать. Таким женоненавистникам не место в книжном издательстве.

Вчера разгребала ящики в письменном столе и нашла кучу исписанных страниц – множество начатых и забытых историй. Иногда что-то приходит в голову и ты даже на минуту представляешь, что из этого может получиться нечто нереально крутое. Но потом запал пропадает и твоя рукопись летит в ящик или, что того хуже, в мусорную корзину. Эти истории тоже подобны привидениям, которые обречены до конца Вселенной находиться где-то между мирами, им не суждено стать полноценным произведением, их дело никогда не будет закончено. Ты виноват в их участи, но не в силах ничем помочь. Момент упущен, идея мертва, и ее не реабилитировать.

А пару месяцев назад у меня был «кризис прозы», и я даже начала писать стихи. Их писать быстрее и приятнее, не чувствуешь себя обязанной. Ведь написание прозы может затянуться очень надолго, отчего ты постоянно казнишь себя, что не можешь закончить историю, хотя давно уже пора. Ты застреваешь где-то на развязке. Но со стихами дела обстоят еще хуже. В одном из издательств мне сказали, что этого и так достаточно и их вообще мало кто читает. Не знаю, правда это или нет, но после такого заявления я вообще решила выбросить из головы мысль стать поэтом. И правильно, зачем прыгать из стороны в сторону, когда лучше направить все свои силы на что-то одно, работать на качество.

Я чувствую глубокое уважение к людям, которые горят какой-либо идеей, не распыляясь на все подряд; к людям, которые нашли себя в каком-либо деле и живут им. И я сильно

злюсь, когда человек останавливается на полпути, довольствуясь маленькими победами, когда он может больше, намного больше. Это как раз и относится к моему отцу. Постоянно возвращаюсь к этой теме, потому что мне сложно понять его. Мне не все равно и ужасно обидно. Он просто застрял. Но даже в этом я увидела плюс для себя. Хоть это и эгоизм, но меня еще больше мотивирует мой отец, чувствую спортивный интерес обогнать его еще больше. Мы часто ссоримся, хочется постоянно вопить о том, что мы никогда не сможем друг друга понять. Но это не значит, что я не люблю его. Очень даже люблю, не меньше мамы. Жаль, что мы часто враждуем.

Моя мама Жаклин в такие моменты просто делает вид, что у нее много дел, и закрывается в кабинете, раскладывая по местам свои коллекционные штучки. Она собирает винтажные вещички с блошиных рынков. Кстати, к ней уважения у меня намного больше из-за ее яркой страсти к своему хобби, ее горящих глаз, любознательности и желания во что бы то ни стало узнать историю той или иной вещи. Часто она перепродает свои сокровища коллекционерам и даже неплохо зарабатывает. Она находится в своей стезе и получает от своего дела удовольствие.

«Анетт не была сумасшедшей. Она часто впадала в меланхолию, плакала без особых причин и несколько раз пыталась покончить с собой, но сумасшедшей она не была. Она часто резала свои руки свой живот лезвием и смотрела, как кровь сочится из раны и струйкой бежит вниз по белью внутренней стороне бедер. В ее поведении была причина, и причиной этой являлся ее муж. Он был местным психиатром местным врачом и уже много лет лечил Анетт от странной загадочной болезни. Но по какой-то неизвестной причине ей становилось только хуже...»

Одна из незаконченных мной историй, которые ждут продолжения. У меня частенько случались кризисы, особенно несколько лет назад, когда я рассталась со своим парнем. А ведь все было идеально, как в типичном романтическом фильме. А потом он просто исчез, оставив паршивое письмо, в котором была лишь одна банальная фраза: «Прости, я полюбил другую...» М-да уж, мог бы и в глаза мне это сказать. Я бы сильно не разозлилась и ударила бы не слишком больно. Ну да ладно, слава богу, эта история в прошлом. Лежит где-то на дне мусорной корзины, и я стараюсь о ней не вспоминать. В мире есть истории поинтереснее, с более ярким и захватывающим сюжетом. Например, более интересной историей стал мой хороший друг Мэттью. Мы с ним знакомы с самого детства, ведь в нашем спальном районе все друг с другом общаются. К нему мы еще вернемся.

Так, на чем я закончила? Ах да. Истории. У меня частенько случались кризисы в их написании. К сожалению, это доля каждого писателя. У всех когда-нибудь случались дни, когда мысль не идет, ручка тебя не слушается, клонит в сон и просто хочется скомкать рукопись и сжечь, чтобы никто никогда не прочел столь бездарное произведение, родившееся без вдохновения. К счастью, муза посещает меня не реже, чем литературное забвение.

Я уже успела опубликовать несколько мистических рассказов, и получилось весьма недурно.

Мои истории появились благодаря прочитанному мной произведению под названием «Тринадцатая сказка» (англ. The Thirteenth Tale) Дианы Сеттерфилд, который был издан в Великобритании в 2006 году.

Мрачная, жуткая история, в которой присутствуют старый особняк и сумасшедшие владельцы в лице родных брата и сестры, вследствие инцеста у которых даже родились дочери. Вся история пропитана тревогой, страхом и мистикой. Ты буквально чувствуешь присутствие духов на каждой странице романа.

Я стала сравнивать главную героиню с собой. Девушка была влюблена в книги, с огромным трепетом и любовью относилась к ним, получая наслаждение не только от чтения, но и от прикосновения к их обложкам и страницам. У моего дедушки по маминей линии был свой книжный магазинчик в соседнем городе. Там продавались только подержанные книги, среди которых часто попадались тома с изъёмами, вырванными листами, потертыми обложками. Но дедушка очень любил старые книги. Он говорил, что у них есть своя история. Когда я была маленькой, родители часто оставляли меня у него. Я могла часами бродить между книжных стеллажей, переставлять книги, листать их.

Каждой книге я придумывала свою историю. Например, у этой биографии Чарльза Дикенса с желтыми осыпающимися листами до этого был владелец, пивший много крепкого чая без молока (на страницах было много темных кругов от чашки), с жирными руками (куча маслянистых пятен на уголках страниц) и старой вредной недовольной женой, которая сама была очень чистоплотной и часто пилила мужа за его неряшливость и безобразное отношение к вещам. Однажды она так разозлила его, что он схватил книгу и бросил в нее, попав уголком в ее висок, отчего она тут же скончалась (уголок помят и испачкан засохшей темно-бордовой жидкостью).

У «Приключений Шерлока Холмса» Артура Конана Дойла был богатый владелец, страдающий тремором рук (страницы помяты, а кое-где вообще наполовину вырваны), который к тому же очень медленно читал (очень много загнутых уголков). У него была жена, которая не могла забеременеть уже много лет, что ужасно злило его, ведь ему нужен был наследник, а он был уже немолод. Он любил свою жену, но терпение его кончалось. Поэтому ему пришлось развестись с ней и найти другую. Он встретил молодую женщину, которая вряд ли любила его, но была падка на его деньги. Но он и не ждал от нее взаимности, понимая, что такая, как она, не станет любить старика с дрожащими руками. Он все-таки добился своей цели, и наследник был рожден (детские рисунки цветными карандашами на последних страницах книги). Мужчина закончил читать и положил открытую книгу на кресло. Сын подполз к ней и оставил свой автограф.

А вот у романа «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте 1870 года выпуска была очень впечатлительная слезливая хозяйка, которая к тому же слыла одинокой и вела свой тайный дневник, в который записывала все свои горести и любовные разочарования. Большинство его страниц были волнистыми, и на них наблюдались засохшие капли ее слез. А еще его хозяйка пользовалась ярким красным лаком для привлечения мужчин (красные глубокие линии внизу страниц, похожие на следы от ногтей).

«Откуда у маленькой девочки такие познания во взрослой человеческой жизни?» – спросите вы. А оттуда, что я очень много читала и часто подслушивала разговоры взрослых. Я часто записывала их в свой маленький блокнот и прятала в третьем ящике комода в своей комнате, заворачивая его в свою одежду, чтобы мама случайно не отыскала.

Взрослея, я стала любить книги еще больше. В любое свободное время я читала, так глубоко погружаясь в литературный мир, что вытащить из него меня было невозможно. Никакой телевизор, увлекательные игры и красивые побрякушки не имели надо мной никакой власти.

Я стала еще больше сочинять, истории становились еще длиннее и еще более захватывающими.

И я, очарованная мистицизмом «Тринадцатой сказки», написала свой сборник рассказов. В них также есть старый особняк, запущенный его жителями, присутствуют брошенные на произвол судьбы дети, которые творят поистине ужасные вещи. Я буквально окутала истории черной вязкой тенью, которую читатель сможет буквально ощутить кожей, когда по его спине побегут мурашки.

Может быть, где-то я перешла грань дозволенного, но только это могло заинтересовать современного книголюбителя. Я должна была вызвать шок своими произведениями, перейти

на новый уровень, чтобы любой, прочитавший их, еще долго пребывал в замешательстве, не веря своим глазам. Я хотела, чтобы читатель подумал: «Это действительно написано в книге или мне показалось?» Я это сделала, не побоявшись реакции издательств, читателей и родственников. Мой отец многозначительно покачал головой, наткнувшись на парочку ошеломляющих моментов, и, резко захлопнув книгу, швырнул ее в мою сторону. А вот моя мама поддерживала меня. Она сказала, что если это то, что делает меня счастливой, и я действительно понимаю, чего хочу добиться, то мне нужно продолжать в том же духе, несмотря на мнение общества и моего отца.

Да, мнение было различным, но положительных отзывов было больше. Не буду лгать – я этого не ожидала, по крайней мере, не в таких масштабах. Я выпустила тираж в тысячу экземпляров, и рассказы быстренько расхватили с полок магазинов. А я думала, что их ожидает провал.

Неожиданный успех сделал меня еще более уверенной в себе и дал мне силы продолжать.

В период написания рассказов я также познакомилась с произведениями известного английского писателя Грэма Джойса. Писатель мастерски совмещает реальный мир и мифологический. Можно наблюдать присутствие элементов фольклора и древних легенд в его произведениях.

Роман «Зубная фея», который был удостоен премии August Derleth Award («Лучший роман года» по версии ассоциации British Fantasy Society), о приключениях мальчика Сэма, познакомившегося с весьма необычной зубной феей, чей образ далек от классического, поверг меня в шок. Столько всего творилось в этой книге, что мне показалось, что Грэм Джойс решил поэкспериментировать, забыв о том, к чему был весь сыр-бор. Но даже несмотря на то, что смысл сюжета именно этого произведения остается для меня тайной, в целом оно заставило меня плохо спать пару ночей, так как я была под впечатлением. Я не могла поверить, что такое можно было напечатать и вообще показывать людям. Как? Так же написаны такие вещи! Это смело! Тогда я поняла, что не нужно стесняться себя в мыслях и тогда меня запомнят. Не нужно думать за читателя, я же не могла знать заранее, что обо мне скажут. И могу признаться, что меньше всего на свете я боюсь показаться читателю скучной.

Мистический реализм Джойса покорила меня. То, как он описывал происходящее в его бесстыдной форме, не скрывая ничего. Он говорил о том, о чем другие только думают, но не произносят вслух. Это фантастика! Его произведения затягивают, поражают, где-то отталкивают, но заставляют дочитать до конца, оставляя горьковатый привкус, и в атмосфере его романов ты еще долго-долго пребываешь после прочтения. На мир ты начинаешь смотреть уже по-другому. И это факт. Многие рамки просто стираются, и мыслить ты начинаешь уже иначе.

А его «Как бы волшебная сказка» стала одним из моих любимых произведений. Я читала книгу с глубочайшим интересом с первой до последней страницы.

Возможно, вы спросите, при чем здесь готические романы, ведь произведения Грэма Джойса не являются готикой, и я отвечу, что все его сюжеты вполне можно было бы превратить в традиционную английскую готическую прозу:

- вместо обычного дома перенести героев в заброшенный полуразрушенный замок или огромный особняк;
- окружать героев будет дремучий лес, туманные болота, старое кладбище, склепы;
- добавить описаний суровой английской природы: завывание холодного промозглого ветра, гроза с молниями, густые туманы, сырость;
- больше романтизма в произведении. Обязательна любовная линия – нежная романтическая девушка мечтательница и юноша, который будет добиваться ее руки, спасая возлюбленную из сложных ситуаций, а лучше всего – от смерти.

Для меня самым настоящим готическим романом является «Дракула» Брэма Стокера.

Ощущение ужаса и неопределенности пронизывает страницы произведения насквозь. Огромный древний замок, населенный вампирами, темные комнаты, волчий вой по ночам – все это леденит кровь и держит в постоянном напряжении. Главная героиня Мина Мюррей, очаровательная хрупкая девушка, нуждающаяся в любви и защите, а главный герой – Джонатан Харкер – человек, пытающийся разобраться с тем, какие на самом деле секреты кроются в таинственном замке.

В романе также присутствует доля реализма:

- прозвище Дракула заимствовано у реально жившего человека – Влада Цепеша, являющегося правителем Валахии в XV веке;
- роман основан на традиционных легендах о вампирах;
- повествование строится на записях в дневниках и письмах, что придает произведению наиболее правдоподобный вид. Читать такие романы одно удовольствие. Читая дневниковые заметки, вы будто приоткрываете завесу тайны, окунаетесь в личные переживания главных героев. В этом есть нечто запретное и интимное.

Для меня идеальное произведение складывается из элементов традиционной готической литературы, современных реалий, а также шокирующих моментов, которые читатель еще долго будет прокручивать в голове, не веря в то, что прочитал.

Глава 2

Майское утро. Дожливо и прохладно, но солнце все же изредка пробивается сквозь густые серые облака. Я проснулась, приняла душ, оделась и спустилась вниз в маленькую бежевую кухню. Мама уже встала и убиралась на кухне, затянув длинные русые волосы, слегка тронутые сединой, в тугий пучок. Темные круги под глазами – снова не спала толком. Старый халат плотно сидит на ее пышных рыхлых бедрах. Стоптанные тапочки. Не так давно она была энергичной женщиной, которая любила заниматься спортом по утрам, не выходила к завтраку без косметики и отутюженного платья, носила модные стрижки. Теперь мама занималась только семьей, забыв о себе. Каждый раз, когда я покупала ей в подарок что-то красивое, она только отмахивалась: «забери себе, мне не к чему». Она часто повторяла, что полностью увлечена своим любимым хобби и дела до глупостей ей теперь нет. Теперь отец выходил на пробежку один, по-прежнему сохраняя свои мышцы в тонусе. В отличие от матери, он выглядел молодо и свежо, и лишь немного поправился. Его светлых каштановых волос не коснулась седина, глаза цвета охры по-мальчишески улыбались. Странно, что мама не принимала от него подарков, даже не воспользовалась абонементом в СПА, который папа подарил ей на день рождения, и вообще, восприняла этот подарок как насмешку. Я часто замечала, как отец наблюдал за мамой, пока та не обращала на него внимания, погружаясь в домашние хлопоты. В эти моменты его глаза будто заволакивало дымкой, а в голове роилось множество мыслей.

– Доброе утро! – поздоровалась мама и тепло улыбнулась мне, указывая на стол. – Завтрак уже готов. Немного остыл, могу разогреть. А в чай я добавила лимон и варенье, как ты любишь.

– Спасибо! – поблагодарила я. – Все хорошо. Лучше тебя завтрак никто не приготовит, мам. Отдохни.

– Отдыхать некогда, – ответила она.

Моя мама всегда относится ко мне как к ребенку, не хочет, чтобы я выросла, хоть и понимает, что это неизбежно. Не хочет отпускать меня из семейного гнезда, и поэтому, учась в университете, я живу дома, а не как остальные – в студенческом городке. Но мне от этого только лучше. Люблю быть дома в тишине, чтобы никто не мешал творить. Сейчас позавтракаю и поеду в университет. Благо, что он недалеко от дома.

– Шарлиз, как ваши дела с Мэттью? У вас все хорошо?

– Да, как обычно, – ответила я. – А почему ты спрашиваешь?

– Знаешь, когда он в последний раз заходил, вы как-то мало разговаривали, вот я и подумала... Вы не ссорились? – продолжила беспокоиться мама.

Странно, что она спросила, я даже не заметила, что что-то не так.

– Нет, все хорошо, – улыбнулась я. – Ничего не изменилось.

– Хорошо, – ответила мама. – Может, тогда, когда Мэттью зайдет, пусть померит папины костюмы, которые он не носит. Он когда-то был таким же стройным, как Мэтт, а костюмы почти новые. Лежат в сундуке, в который папа даже не заглядывает из-за ностальгии по молодости.

– Я скажу Мэттью, – сказала я, еле сдерживая смех. Не знала, что папа такой сентиментальный. Хотя в нем частенько открываются такие стороны, которых сразу и не заметишь.

Дождавшись автобус, я села на заднее сиденье у окна и всю дорогу думала о том, что, возможно, слишком сильно погружаюсь в себя, много молчу. Люди часто не понимают моего молчания, и даже мама не так растолковала наши с Мэттью отношения. Или она смогла почувствовать что-то неуловимое между нами, чего даже я не заметила из-за своей замкнутости? У меня всегда было нелегко с общением. У меня нет друзей. Стараюсь ни с кем не заводить близких отношений. Как-то у меня была знакомая с моего курса, с которой я делилась сво-

ими секретами, давала почитать свои неопубликованные рассказы, а потом эта стерва просто взяла и выдала мое творчество за свое. Нет, ей никто не поверил, ну может, только единицы, ведь извилин у нее было маловато и она читала лишь любовные романы; но осадок остался – и весьма неприятный.

После первой лекции встретила в коридоре Мэттью. Хм, в белой помятой футболке и джинсах (был в этой одежде вчера), темно-русые волосы всклокочены, да и вид какой-то невыспавшийся. Вроде не похоже, что пил. Тогда, может быть...

«Незнакомка взяла Мэтта за руку и настойчиво притянула к себе. Он крепко обнял ее за талию, и их губы слились в долгом поцелуе, от которого у него закружилась голова. Потом он растянул ее голубую блузку и припал губами к ее шее, жадно вдыхая запах ее влажной ароматной кожи, от которой исходил жар...»

Думаю, что такое вполне возможно, слишком вид у него довольный.

Я шла по коридору медленно, и он догнал меня. Поравнявшись со мной, Мэтт помахал рукой прямо у меня перед носом, так как я даже не взглянула в его сторону.

– Привет, – он улыбнулся мне и подмигнул. Это еще зачем?

– Привет, Мэттью, – ответила я, даже не смотря на него.

– Что-то вид у тебя невеселый.

«Ну конечно, ночь у меня была поспокойнее твоей», – подумала я.

– А что веселиться, погода не располагает, – бросила я, продолжая идти вперед.

– Ну тогда по логике у тебя вообще не должно быть хорошего настроения, если оно так зависит от погоды, – съязвил он.

Я не ответила, а только пожала плечами.

– Не хочешь выпить кофе где-нибудь? – предложил он.

Я вновь пожала плечами, опустив глаза вниз.

– Может, случилось чего?

– Нет, ничего не случилось, – все так же отрешенно отвечала я.

– Тогда не вижу смысла отказываться.

С этими словами Мэтт крепко схватил меня за руку, так, что я чуть было не растеряла все учебники, которые несла. А потом он повел меня куда-то по аллее. Мы все дальше удалялись от стен университета. Было интересно, как он поведет себя дальше.

Мы шли так, держась за руки некоторое время, пока не дошли до небольшой кофейни. Не видела ее здесь раньше, наверное, недавно открыли.

– Можем присесть тут, – предложил парень.

Я просто молча кивнула.

– Ты вообще намерена разговаривать сегодня? – поинтересовался Мэтт, многозначительно посмотрев мне прямо в глаза.

Я пожала плечами.

– Понятно, – ответил тот, и на его лбу появилась еле заметная морщинка. Она всегда появляется, когда он раздражен.

И с каких пор мы говорим, как какая-то парочка? Никогда не хотела до этого доводить. Мне даже неинтересно, где он проводит время без меня, ведь мы хорошие друзья, да и только. Даже не знаю, почему так себя веду.

«Незнакомка стянула с Мэттью его белую футболку и нежно провела ладонями по его торсу. Ей понравилось то, что она ощутила, парень хорошо следит за своей фигурой. Потом она растянула его джинсы, толкнула на кровать, и вновь их губы слились в поцелуе. Его губы были такими мягкими и горячими, а тело таким податливым...»

В кофейне почти не было посетителей. Где-то за дальним столиком сидели какие-то пожилые итальянцы, которые что-то яростно обсуждали, а за барной стойкой устроилась парочка. Они почти неподвижно сидели и поочередно шептали что-то друг другу на ушко. Мэттью обратил на них внимание и еле заметно вздохнул.

Мы выбрали место у окна, где было посветлее. Вновь пошел дождь и где-то вдали слышались раскаты грома. Сейчас должна была начаться лекция у мистера Брауна, но мне было все равно. Теперь я хочу лишь горячего кофе со сливками. Ну, может, не только его, но возвращаться на занятия точно не желаю.

Наши отношения с Мэтом могли бы многим показаться странными. Мы могли неделями не разговаривать, а потом ни с того ни с сего встретиться и провести незабываемый день вдвоем, например, где-нибудь в парке или на озере. Иногда он приходил в библиотеку, где я читала или занималась писательством. Он часто садился где-нибудь неподалеку и посматривал на меня – играл в незнакомца, наблюдал за всеми моими движениями. Потом подходил ко мне и мы разыгрывали знакомство. Я делала вид, что вижу его впервые. Мы очень часто разыгрывали такие сцены в кафе, театре, магазине, да где угодно. Мы становились такими притягательными друг для друга в такие моменты. Казалось, что можем упустить друг друга в любой момент.

Но меня с ума сводило то, что между нами было. Мы никогда не заваливали друг друга своими проблемами, он ничего не требовал от меня, а я от него, мы ничего друг другу не обещали. Приятно не чувствовать себя чьей-то собственностью. Я ощущала полное понимание и участие.

Но сегодня что-то пошло не так. Я почувствовала укол ревности, который вонзился под мою нежную кожу прямо в сердце. Раньше я такого не испытывала по отношению к Мэттью, и мне стало беспокойно на душе. Вдруг у нас будет так же, как у большинства парочек, которые пилят друг друга днями и ночами, обманывают, недоговаривают. Вдруг он начнет мной манипулировать или я им. Мы будем часто ругаться, и я, боясь потерять его навсегда, заставлю его жениться на себе, у нас появятся дети, и все будет скучно, обычно, нормально... Он будет пропадать на работе, только чтобы не видеться со мной, опасаясь новой груды проблем, которые могут свалиться на его плечи, после того как он переступит порог дома.

«Она вышла замуж за своего возлюбленного еще пять лет назад. Теперь каждый день она убирала их дом, готовила и штопала дырявые носки. Зрение ее заметно упало, но идти к врачу ей не хотелось. Она вообще не желала выходить из дома, так как не имела ни сил, ни денег. Супруг перестал баловать ее дорогими подарками, говорить комплименты и водить в рестораны, хотя раньше он боготворил ее, носил девушку на руках, водил по самым дорогим местам и дарил великолепные украшения. Теперь же она стала нелюбимой женой, располневшей и обленившейся. Ей не хотелось ухаживать за собой. Она перестала краситься, ходила в старом заштопанном платье, отрезала свои длинные волосы, которые из-за отсутствия должного ухода превратились в мочалку».

От этих мыслей мне стало не по себе и я глубоко вздохнула. Глупости какие-то. Я же не хотела ничего серьезного, а теперь начинаю бояться, что могу потерять его. От мыслей, что его ласкала другая девушка, мое душевное спокойствие было нарушено, я не могла управлять собой, не могла адекватно объяснить Мэтту свое состояние, признаться в том, что сама же нарушила свои негласные правила.

Никогда мы с Мэттью не обсуждали то, что творится между нами, и мне так не хотелось начинать этот неловкий разговор, который мог разрушить ту волшебную материю, которую мы выткали совместными усилиями. И как приятно нам было укрыться ею с головою, словно

теплым одеялом, спасаясь от промозглого ветра и сырости, которые так и норовили проникнуть с улиц Ливерпуля, нарушив уют и покой, царивший между нами.

Мы были счастливы по-своему, по своим правилам и канонам. Я и подумать не могла, что может появиться кто-то третий между нами. Стены нашего замка рушились, а я безмолвно кричала, смотря, как нечто прекрасное с грохотом исчезает на моих глазах.

– Мэттью... – я нарушила молчание, сама не ожидая этого от себя. Голос мой показался мне каким-то чужим и безэмоциональным. Парень выжидающе посмотрел на меня, рефлексивно запустив свои длинные загорелые пальцы себе в волосы. От всегда так делал, когда испытывал волнение. – Мэтт, может, нам стоит поговорить?

Да, теперь я перекидываю ответственность на него. Слабачка. Ведь мы оба виноваты в том, что происходит.

– О чем же нам стоит поговорить? – он вскинул свои темные соболиные брови и пристально посмотрел мне в глаза.

– Просто меня немного удивило то, каким я встретила тебя сегодня, – стала объяснять я, понимая – что бы я ни сказала, это прозвучит по-дурацки. – Ты никогда не ходишь в одной и той же одежде два дня подряд, и... я подумала...

Потом он неожиданно стиснул мои пальцы своей рукой и я почувствовала жар, исходящий от его кожи. Сердце его быстро колотилось. И вдруг я заметила на его лице неопределенное выражение. Он улыбнулся одними уголками губ, опустил глаза, разглядывая мои пальцы, а потом вновь посмотрел в мои глаза, но теперь в них не было беспокойства, а читалась мечтательность. Мне показалось, что его что-то позабавило. Я не могла понять характера его настроения. Только недавно он был напряжен, поддаваясь моим эмоциям, а теперь что-то переменялось. Неужели мои слова звучат так глупо?

– Что тебя насмешило? – спросила я. – Что такое?

– Шарлиз, – на этот раз он не смог сдержать улыбку и улыбнулся широко, как умел только он. – Я действительно обычно не хожу в одной и той же одежде два дня подряд. Я могу представить то, о чем ты подумала. Я отвечу на твой немой вопрос. Ты, наверное, хотела бы знать, был ли я с какой-нибудь девушкой сегодня ночью? Так? – Я хотела было открыть рот, чтобы что-то сказать, но он не дал мне этого сделать и продолжил: – Да, именно это ты и хотела спросить. И нет, я не был этой ночью ни с кем, кроме своего кузена, у которого я сегодня ночевал.

– Кузена? Джона? – я так громко это спросила, что итальянцы, сидевшие в углу, на миг замолкли и посмотрели в нашу сторону. Я невольно пригнулась над столом и наклонилась поближе к Мэттью. – Ты был у него?

Почувствовав себя полной дурой, я не могла больше вымолвить ни слова. Как я могла такое себе напридумывать и выставить себя такой глупой ревнивицей?

– Лиз, у тебя прекрасное воображение, но все было намного скучнее, чем ты подумала. Я всего лишь помогал ему собирать новую мебель. Дело затянулось, и я остался у него на ночь, – Мэтт смотрел на меня с той шутливой издевкой, которая обычно злила меня, но в то же время делала его еще более привлекательным в моих глазах. Его веселые глаза смотрели на меня с обожанием, отчего я перестала злиться.

– Ох, извини меня, – я закрыла лицо руками, чувствуя, как краснею. А потом он взял мои руки в свои.

– И я тебя люблю, – ответил Мэттью и, нагнувшись через столик, нежно поцеловал меня.

Он сказал «люблю», но это вряд ли что-то значило. Все наши отношения – лишь игра. Вот только я стала все больше привязываться к нему.

– Снова ты кусаешь ногти, – сказал он, поглаживая мои пальцы. Я тут же высвободилась из цепкого капкана его рук.

– Это нервное, – фыркнула я, пряча руки под стол.

За окном дождь только усилился, оmyвая грязное стекло кофейни. На тротуарах замелькали грозди из зонтов.

– Капли на стекле, – произнес Мэтт и многозначительно посмотрел на меня, потом на окно и снова на меня.

– В океан сливаются, – ответила я.

– Холодный май, – закончил тот.

Ему нравилась поэзия. Мы частенько общались японскими трехстишиями. В этом было что-то особенное, вроде секрета, который знали только мы вдвоем.

Мне было так неловко из-за нашего разговора, но все же небольшой страх поселился в моей душе, не желая уходить. Я верила Мэтту, но теперь засомневалась, что смогу удержать его рядом с собой надолго. Ведь у всех отношений должно быть развитие, а что ожидает нас в будущем, все ли будет так же радужно, как сейчас? Что будет, когда один из нас наиграется в игры?

Сейчас мне очень не хотелось об этом думать, и я не стала загружать голову Мэттью своими страхами. Это всего лишь мои скрытые фобии, нужно постараться жить настоящим, иначе я так совсем сойду с ума. Тем более такие мысли только отгоняют парней.

Мы еще где-то час просидели в кофейне, пока не кончился дождь, разговаривая ни о чем, смеясь над шутками друг друга, а потом побрели по аллее прямо к моему дому. Он поцеловал меня на прощанье и крепко обнял. «Пока, моя малышка», – прошептал он, и мы расстались до завтрашнего дня.

Глава 3

Был субботний день. Неровный мелкий почерк покрывал несколько листов новенького блокнота. Я чувствовала запах его страниц, и по моим ногам пробегали мурашки. Любимый запах.

Сегодня я написала новый рассказ. В нем переплелось множество жанров, а больше всего просматривался эротический. Раньше я этого избегала, но сейчас решила дать волю своей фантазии. И как же легко мне было писать, будто это не первый мой подобный рассказ. Обязательно покажу Мэттью, пусть его реакция решит судьбу данного эксперимента. Родителям не решусь показать, по крайней мере, пока.

Сегодня я одна дома, как же я люблю такие дни, мне нравится чувствовать себя хозяйкой, быть предоставленной самой себе. Папа преподает лекции у старшекурсников, а мама ушла на рынок (это надолго).

Я захлопнула блокнот и плюхнулась на застеленную кровать. Сладко потягиваясь, я нежилась от блаженства, смотря, как солнечные лучи проникают в комнату сквозь окошко. Маленькие пылинки кружились в танце под солнцем, щедро лившимся в мою маленькую комнату, наполняя ее теплом и уютом, прогревая все предметы вокруг. Я будто бы сама наполнялась энергией золотой звезды, заряжаясь и тая от удовольствия, подаренного мне самой природой.

Сегодня такой солнечный и теплый майский день. Такая редкость в последнее время. Не каждый день климат Англии бывает настолько благосклонным к его жителям. Мой родной город Ливерпуль расположен в устье реки Мерси в северо-западной части Англии. Климат в моем городе комфортный, океанический. Лето здесь достаточно теплое, температура июля в среднем составляет +17 °С, никогда не бывает жары, от нее мне обычно трудно дышать и тяжело соображать. Никогда не любила раскаленное солнце, от которого обгорает кожа и болит голова. Весна в этом году выдалась дождливая, но сегодня на улице очень тепло, даже теплее, чем обычно бывает летом, но при этом очень комфортно.

Пойду-ка приму пенную ванну и позвоню Мэттью. Настроение у меня сегодня такое игривое, и еще этот удивительный сон, от которого не хотелось просыпаться, так что я не вставала с постели до девяти утра, хотя обычно встаю в семь. В нем как раз был мой Мэттью, такой нежный и ласковый, каким может быть только он. Я всем своим существом жаждала его близости, сгорая от пожирающей меня страсти. Нужно обязательно с ним встретиться, иначе я сойду с ума.

Наполнив ванну до краев, я погрузилась в горячую воду, немного расплескав ее на мраморную плитку на полу. Вода обняла мое обнаженное тело, согревая его и расслабляя. Пены было очень много. Розовые пузырьки блестели при солнечном свете, лившемся в маленькое окошко с видом на голубое небо. Я немного понежилась от внезапного сквозняка и постаралась как можно глубже опустить свое тело под воду.

В маленькой ванне было тесно, но уютно. Немного поджав свои длинные ноги, я сидела так, опустив голову на белое махровое полотенце, которое служило мне подушкой. Я закрыла глаза и представила рядом с собой Мэттью, как его горячие большие руки медленно, но уверенно гладят меня по бедрам. От этой мысли у меня заныл живот и я почувствовала там, внизу, блаженное тепло. Я так по нему соскучилась, думаю, что и он скучает не меньше. Нужно позвонить.

Еще минут пятнадцать понежившись в ванне, я вылезла, досуха обтерлась мягким хлопковым полотенцем и взглянула на свое отражение в огромном винтажном зеркале, которое уже несколько лет как нашло свое место в нашей маленькой ванной комнате.

Бронзовое зеркало стояло на полу у противоположной к ванне стене, его обрамляли массивные витиеватые узоры, плавно перетекающие один в другой. Старинное и потертое, оно прекрасно бы смотрелось в зале какого-нибудь древнего каменного замка, а не в маленьком ливерпульском домике. Своей грандиозностью оно напоминало мне магическое зеркало Еиналеж (Mirror of Erised) – зеркало, которое Гарри Поттеру случайно довелось найти в одном из классов, прогуливаясь по ночному Хогвартсу в мантии-невидимке. То волшебное зеркало показывало всем желающим их тайные истинные мечты.

Я встала напротив зеркала обнаженная, распаренная после горячей воды. Кожа моя была еще влажная, и с длинных светлых волос капала вода, разбиваясь о теплый мрамор. Волосы – моя гордость. Они от природы у меня густые и крепкие, быстро растут и манят своей красотой. Я взглянула на свое раскрасневшееся тело. Небольшие высокие груди, словно сочные спелые плоды, округлые бедра, тонкие длинные крепкие ноги и подтянутые розовые ягодички.

Я провела по своим формам пальцами сверху вниз от груди до внутренней части бедер, любуясь своим отражением. Моим тайным желанием сегодня был Мэттью. Он стоял позади меня в одном полотенце, которое опоясывало его бедра. Потом он медленно подошел ко мне сзади вплотную, заставив меня вздрогнуть от приятного предвкушения близости его тела. Я в блаженстве прикрыла глаза, обнимая себя руками, будто это были руки моего парня, и поддалась своим фантазиям.

Я смотрела и смотрела в запотевшее потертое зеркало, Мэттью продолжал ласкать меня, целуя разгоряченную тонкую кожу на моей шее. Я слышала, как бьется мое сердце, каждый бешеный удар, чувствовала дыхание Мэтта. Я вспоминала, какой Мэтт нежный и понимающий любовник. Никогда еще я не встречала таких, как он. Так приятно находиться рядом с ним, смотреть в его миндалевидные карие глаза, смеяться над его шутками. Он всегда такой настоящий, говорит только то, что у него и в самом деле на душе. Я чувствую себя рядом с ним в своем истинном обличье, без множества масок, которые часто надеваю для других людей, чтобы скрыть свои истинные чувства к ним. С остальными я не могу открыться, боюсь показаться смешной, чего-то всегда стесняюсь, боюсь остаться непонятой. С Мэттью все совершенно по-другому. Это нечто фантастическое, что проникает глубоко в твою душу, растворяясь там и поселяясь надолго, возможно, на всю жизнь. Мы – больше, чем просто любовники, парень с девушкой и все в этом роде.

Я стояла так перед зеркалом несколько блаженных минут, представляя Мэтта, как вдруг фантазия показалась мне такой настоящей и четкой. Я ощутила необычное покалывание в теле. Внимательно вглядевшись в поверхность Еиналежа, я вскрикнула от ужаса. Зеркало оказалось совсем не таким, каким я его представляла своим писательским умом. Передо мной предстала картина, которую я никак не желала увидеть.

Мэттью, такой реальный, стоял за моей спиной, и зубы его впивались в мою хрупкую шею. Я видела, как по тонкой белой коже стекала струйка алой крови. Мне показалось, что я теряю сознание. А потом я очнулась в ванне. Быстро-быстро моргая, я подняла голову с импровизированной подушки в виде полотенца, которая сильно намокла от воды, и огляделась вокруг. Это был лишь сон.

Не помню, как уснула, да и вода уже успела заметно остыть. А такой приятный был этот сон изначально, пока не превратился в ужасный кошмар. Наверное, нужно мне прогуляться на свежем воздухе. Совсем засиделась дома за своей работой, вот и снится неведь что. Сама себя запугала из-за своей фантазии. От этой мысли я невольно рассмеялась вслух, вылезая из ванны. Потом взгляд мой пригвоздился к зеркалу, и улыбка сошла с моего лица. Я поспешно схватила полотенце побольше, самое большое, что смогла найти в тумбочке, а потом накрыла им зеркало. Для этого даже пришлось взбираться на пуф, ведь зеркало было очень высоким.

Пугают меня эти старинные зеркала, будто смотришь в какой-нибудь параллельный мир или, что того хуже, – он смотрит на тебя. Это старое зеркало появилось примерно в то же время,

как мы с Мэттью познакомились. Может, из-за ассоциаций с ним мне приснился такой сон? И где мама его раздобыла? Ведь она часто приносит домой удивительные необычные вещи: старинную обшарпанную мебель, заржавевшие часы, книги, в которых не хватает половины страниц. То, что еще возможно восстановить, она реставрирует или обращается за помощью к своему знакомому мистеру Джонсону, что живет неподалеку на нашей улице.

Она считает, что у всех этих старых вещей есть своя история, некоторые даже обладают душой, вбирая в себя энергию прежних владельцев. Папа всегда на нее ругается из-за них, чувствуя чуть ли не присутствие потусторонних сил, которые живут в винтажных предметах декора. Как-то он пытался выбросить старые часы с кукушкой, которые мама приобрела за полцены у какой-то цыганки, объясняя свое намерение тем, что чувствует исходящий от часов непонятный холод. Мама ничего не отрицала, но и избавляться от своего богатства была не намерена. Она так любила эти вещи, что потерять их было выше ее сил. Кажется, что она даже испытывала физическую боль, когда одна из безделушек падала на пол или теряла свой вид с течением времени. После нескольких дней жарких споров родители все-таки нашли компромисс, и часы перекочевали на чердак. Пусть лучше будут тут, а не на свалке, кажется, думала мама. Больше о них не вспоминали.

Насчет зеркала папа никогда не жаловался, но все же со странным видом порой смотрел в него, будто чем-то озадаченный. Теперь и я не смогу смотреть на свое отражение без опаски. Мое волшебное чудесное зеркало подпортило себе репутацию. Не знаю, сколько теперь времени пройдет, когда я вновь сниму с него полотенце.

Глава 4

Я позвонила Мэтту, и мы встретились. Держась за руки, мы прогуливались по зеленой живописной лужайке возле моего дома и говорили ни о чем.

Тут я вспомнила о своем загадочном сне, связанном с зеркалом, и поделилась с ним.

Когда я говорила, мне показалось, что моя история сильно удивила Мэттью. Он даже какое-то время подбирал слова, чтобы как-то прокомментировать услышанное, но так и не смог сказать ничего внятного.

Вообще, как только мы с ним встретились, он уже был чем-то озадачен, вел себя как-то непонятно, будто был чем-то встревожен. Брови его были нахмурены, выражение лица задумчивое и неопределённое. Он изначально был немногословен, а после моего рассказа и вовсе ушел в себя.

– Расскажи, что случилось, – наконец не выдержала я, вглядываясь в его лицо. Мэттью будто был далеко от меня. Его что-то гложет, и я хочу знать что.

Мы молча шли в сторону старого парка недалеко от дубовой рощи. Там не было ни единой души. Слышно было лишь то, как ветер шелестит зелеными листьями высоких многолетних дубов. Тропа, по которой мы шествовали, привела нас к старой деревянной лавочке. Краска давно облупилась, но можно было разглядеть былой белоснежный оттенок. Потом мы сели и я повторила свой вопрос:

– Что случилось? – я не была настойчива, а лишь хотела поддержать разговор и узнать причину странного поведения моего парня.

Сначала он продолжал хранить молчание, и я почувствовала, как начинаю потихоньку закипать. «Может, я была права насчет измены и он теперь хочет расстаться? – думала я. – Если ничего не скажет, я и не такое выдумаю. Зря молчит».

– Скажешь мне что-нибудь? – спросила я уже с нажимом и более громко.

На этот раз Мэтт вздохнул и, повернувшись ко мне вполоборота, произнес:

– Лиз, что ты хочешь услышать?

Этого я не ожидала. Значит, отвечает вопросом на вопрос, ну ладно.

– Что значит «что я хочу услышать»? – я только хлопала глазами. Разве это диалог?

– У меня сейчас немного непростой период, – продолжил он раздраженно, будто выдавливая из себя слова.

– У нас все в порядке? – Я услышала в своем голосе испуг. Он что, действительно собирается меня бросить? Нужно взять себя в руки и не давить на него.

– Все в порядке... у нас, – произнес он. Что значит «у нас»? Что тогда не в порядке?

– Да что такое? – не выдержав, я вскочила с лавочки, чувствуя, как пылает мое лицо от негодования. Он никогда таким не был. Почему ничего не рассказывает? – Что происходит? Расскажи мне, это же я. Я пойму тебя.

– Лиз, все нормально, поверь, – изобразив подобие улыбки, Мэттью посмотрел на меня так, как смотрят на глупого ребенка, который испугался темноты.

Он сказал эти слова только для того, чтобы я успокоилась и отстала от него. Я это почувствовала. Еще вчера он вел себя как обычно, а сегодня я вижу такие странные и резкие изменения в нем.

– А мне кажется, что ты что-то недоговариваешь, – уже тише произнесла я, скрестив руки на груди.

Не люблю, когда мне лгут. Что-то явно произошло, и я желаю знать правду. Еще его странная реакция на мой сон не дает мне покоя. У него что, какая-то фобия, связанная с зеркалами? Он молчал, не торопясь мне отвечать.

– С каких это пор у нас секреты друг от друга?

– Шарлиз, – от его улыбки не осталось ни следа. Он схватился за голову обеими руками. – Прекрати. Я хочу просто подумать и помолчать, понимаешь? У меня голова сейчас лопнет.

С последними словами он уже повысил голос и изобразил, будто бы его голова сейчас взорвется. Потом он глубоко вздохнул, сел в позу лотоса, забравшись с ногами на лавочку, опрокинул голову назад и закрыл глаза. Грудь его то вздымалась, то опускалась.

Я подождала пару минут, а потом вновь тихо обратилась к нему, опасаясь новой неадекватной реакции:

– Медитируешь?

– Да, – еще тише отозвался он, не открывая глаз.

– Прости, я просто думала, что наши отношения под угрозой.

Эх, зря я это произнесла, потому что после моих слов Мэтт резко открыл глаза и посмотрел на меня так, будто я сказала что-то невероятно обидное и ужасное. Потом он с силой ударил себя ладонью по лбу и из его рта полился нескончаемый поток слов:

– Ты издеваешься надо мной? Что ты делаешь? У нас же всегда были необыкновенные отношения. Да я таких эмоций не испытывал ни с одной девушкой. Полное понимание между нами – самый главный пункт в наших отношениях, – шипел он, смотря на меня сквозь пальцы, будто бы весь мой вид был для него неприятен. – В последнее время как-то много вопросов. Ты со своей фантазией сама себя загоняешь в какую-то непроглядную чашу. Ты не понимаешь, что у меня в голове, а я не понимаю, что творится в твоей. **Я-ХОЧУ-ПРОСТО-ПОМОЛЧАТЬ.**

– Все, все. Я молчу, – жестом остановила его я.

Боже, я вообще не ожидала от него такой реакции. Не знала, что он умеет так много говорить. Лучше не усугублять ситуацию. Подожду, пожалуй, когда он сам захочет нормально поговорить, иначе мы и вправду разойдемся как в море корабли.

Я и сама замечаю, что что-то странное со мной творится в последнее время. Появился какой-то страх. Я будто бы стала переживать за наши с Мэттью отношения, хотя раньше и намек на это не было. Больше всего на свете я не хочу привязаться к нему и влюбиться так, как влюбляются некоторые девчонки, вынося мозг своему парню и везде следуя за ним, доучая ему своим вниманием. Мне нужно всего-то стать прежней Шарлиз – классной девчонкой, которая не лезет в душу, с которой легко и непринужденно общаться.

Может, я слишком много читаю и слишком заиклена на своих рассказах, которые пишу? Иногда что придумаю и сама поверю в свою историю. А в последнее время я увлеклась романтическими сюжетами. Еще немного – и напишу любовный роман. Этого только не хватало!

Тем временем Мэттью вновь стал спокойным и сидел, смиренно положив руки на колени ладонями вверх, будто настоящий йог. Глаза его были закрыты, и только изредка подергивались веки. Я еще немного постояла, боясь любым своим движением нарушить наступивший покой, а потом медленно подошла к лавочке и опустилась рядом с Мэттью. Последовав его примеру, я прикрыла глаза и сидела рядом с ним неподвижно, пытаюсь привести в порядок свои мысли, которые разбрелись по укромным уголкам моего сознания.

Все в голове путалось, ведь я не получила ответа ни на один свой вопрос. Но я все-таки решила подождать. Он ждет понимания? Хорошо. Он его получит. Больше ничего не спрошу, пока он сам не разговорится.

Пусть новый Мэттью мне не очень нравится, но это все-таки Мэттью, просто что-то вывело его из привычной колеи. В конце концов язык его все равно развяжется и мы сможем все спокойно обсудить.

Не знаю, сколько мы так сидели. Мне показалось, что прошла целая вечность. Уже начало немного темнеть, и я услышала уханье сов, доносившееся из чащи. Что же случилось с Мэттью? Не терпится узнать причину его неадекватного поведения. Но всему свое время. Пока немного подожду.

Через какое-то время я почувствовала теплую ладонь Мэттью на своей руке, отчего меня передернуло от неожиданности. Открыв глаза, я посмотрела на него, а он все так же неподвижно сидел в позе лотоса с умиротворенным выражением лица. Веки его по-прежнему были закрыты.

Глава 5

Шарлиз Макклейн

Рабочее название «Демоны Розалинды Вуд»

«Я сидела в кресле у окна и вышивала, впрочем, как и всегда в это время суток. Розы из сиреневых шелковых лент, обрамленные речным жемчугом, украшали белую атласную ткань. Спина моя немного затекла, и я решила отложить рукоделие на несколько минут и пройти по комнате.

В наших краях так мало солнечных дней, и солнце уже вот-вот сядет. Накрапывал небольшой дождь, стучась в треснутые стекла. Становилось прохладно, и я накинула шерстяную шаль на плечи, чтобы не просквозило. Я в четырех стенах уже шестнадцать с лишним лет. Живу в этом огромном особняке с отцом и старшим братом. Наши дом окружают болота и редкая растительность. Рядом стоит лишь несколько домов. Меланхолия сковывает мое сердце, поэтому отец настаивает на том, чтобы я много училась, читала ученые книги и постоянно что-то писала. Три раза в неделю по воле моего отца ко мне заходит учитель мистер Брук из школы неподалеку и преподает мне науку. Старик мой уже совсем стар и болен. Я часто плачу по ночам, думая о его судьбе. Ведь он такой добрый и любит меня всем сердцем. Я так не хочу его потерять. А брат Уилл только ворчит на него, что очень несправедливо с его стороны.

Сейчас Уилл закупает продукты в городе – придет не скоро, ведь теперь он ездит туда по длинной дороге, которая огибает обширное болото. Дело в том, что когда-то у нас были слуги, а потом они исчезли, все шестеро в один день. Они всего лишь уехали за продуктами и не вернулись. Их так никто и не нашел, ведь для этого нужно прочесать болото вдоль и поперек, так и погибнуть можно. Мне так жаль их, ведь я так привыкла к мисс Норри, миссис Брайан, мистеру Брону и его сыновьям. Какая же страшная смерть, должно быть, их настигла. Я предпочитаю думать, что они просто уехали от нас. У отца в тот день пропала его серебряная трость. Может, они взяли ее и скрылись. Он бы смог простить эту потерю, только бы люди были в порядке».

После того как попрощались вчера с Мэттью, он был спокоен и задумчив, но больше не повышал на меня голоса. Пусть побудет один, не буду ему навязываться и звонить.

С самого утра на меня напала новая волна вдохновения, и пальцы мои долго стучали по кнопкам клавиатуры. Меня посетил странный сон несколько дней назад, который был похож на наваждение, навязчивую идею. Сон был таким красочным и приятным, что не хотелось просыпаться, я будто бы увидела картину будущего. Морфей будто бы вложил в мою голову мысли, которым я могу придать оболочку, оживить их на листе бумаги. Сейчас как раз подходящее настроение для того, чтобы начать нечто новое. Дождь льет стеной, а в такую погоду я становлюсь наиболее продуктивной. Некогда спать, пора творить!

«Я спустилась в холл, чтобы открыть дверь брату. Новых слуг мы не нанимали, ведь отец очень тяжело переживал из-за пропажи старых, к которым он так привязался. Он даже какое-то время пил. Я просила его нанять хоть кого-то, ведь в большом доме тяжело управиться троим людям. Везде плесень, паутина по углам и толстые слои пыли. По возможности я убираю, но ведь на мне еще и готовка. Уилл работает в мастерской сапожником и преподает ремесло, поэтому может не появляться дома по несколько дней. Добираться до работы очень долго и утомительно каждый день, поэтому Уилл часто гостит у друзей. Даже слышала, что у него появилась какая-то дама, но он о ней ничего толком не расска-

зывает. Это я случайно увидела у него письмо сплошь в губной помаде. Отец тоже увидел и произнес непонятное слово: «куртизанка».

Брат стал таким скрытным в последнюю пару лет, видимо, повзрослел и не хочет обсуждать свои дела с младшей сестрой. Но мне не хватает общения с ним. В детстве мы были неразлучны: постоянно играли вместе, смеялись над шутками, которые сами же придумывали. А теперь я скучаю, да так, что даже слезы выступают на глаза. Но вы не думайте, не такая уж я плакса, просто совсем одна. Времени на друзей у меня совсем нет. Готовка, учеба, мое рукоделие, которое потом идет на продажу, и больше ничего. Мама умерла от ~~чахотки~~ пневмонии три года назад, и теперь нам стало тяжелее. Я так скучаю по ее родному лицу и голосу, что порой совсем теряю голову, не в силах до конца осознать, что ее нет рядом. Отец мой тоже очень тоскует, подолгу смотрит на ее портрет в холле, и на глазах его проступают скупые слезы. Он часто ругает Бога за несправедливость, ведь мама была на двадцать два года моложе отца».

Такая меланхолия меня охватила, что это отразилось на моем творчестве. Но это мой способ выражения чувств, своего рода терапия для того, чтобы расслабиться и успокоиться. Неужели что-то стоящее получится в этот раз?

Дождь барабанил в окно, а я все сидела и печатала, пока не услышала шаги на этаже. Потом послышались приглушенные всхлипы и кто-то хлопнул дверью в родительской спальне. Это еще что? Мама плачет?

Я осторожно вышла из своей комнаты и увидела, что дверь в спальню родителей прикрыта не до конца. Через небольшую щель я заметила маму. Она сидела на кровати и держала в руках какую-то бумагу, похожую на письмо. Глаза ее действительно были на мокром месте, но она больше не всхлипывала, лишь изредка шмыгала розовым распухшим носом. Решив, что пора выходить из укрытия, я прокралась обратно в свою комнату, а потом громко затопала по коридору и постучала в дверь, будто только что вышла.

– Шарлиз? – позвала мама, встреपенувшись. Голос ее слегка дрожал.

– Да, это я.

– Заходи, – разрешила она.

Когда я зашла, письма в ее руках уже не оказалось. Она смирно сидела и смотрела на меня вопросительно.

– Ты что-то хотела? – она даже попыталась улыбнуться, но вопрос прозвучал немного резко. Неужели я не вовремя? Что-то второй день мне все улыбаются вымученной улыбкой. Что за страдания обрушились на моих близких?

– Да нет, – ответила я, пожимая плечами. – Просто зашла спросить, как дела.

– Все нормально, – голос ее уже больше не дрожал. – Была на рынке, кое-что купила. Одну старую шкатулку с Одри Хепберн. Думаю, тебе понравится.

Как только она заговорила о любимом коллекционировании, мученическое выражение лица будто стерли ластиком и нарисовали доброжелательное и жизнерадостное.

Мама залезла в мятый бумажный пакет, который стоял у нее в ногах, и достала оттуда металлическую шкатулку, которая вся была отделана камнями и узорами. А сверху, на крышке, было чудесное винтажное изображение Одри Хепберн.

– За полцены оторвала, – похвалилась мама, вертя шкатулку в руках. – Оставлю ее в спальне.

– Да, очень красивая, – восхитилась я, любуясь любимой актрисой.

Мама бережно поставила прекрасную вещь на прикроватную тумбочку, а потом, сказав, что пойдет готовить ужин, быстро вышла из комнаты, напевая какую-то песенку, даже не взглянула на меня. Я ничего не успела ответить, а ее и след простыл.

Что за секреты у всех от меня? Не понимаю. Я еще какое-то время оставалась в спальне. Присев на кровать, я смотрела в окно, как дождь и ветер терзают деревья. Потом на меня навалилась какая-то лень и я прилегла на подушку, прикрыв глаза. Полежу немного, а потом пойду писать дальше, пока не ушла моя муза. Такая мягкая кровать, что грех не полежать на ней пару минут. Мама очень любила шелк, поэтому постель и покрывало на ней были из этой прелестной приятной ткани. Шелк был прохладным, но комната родителей хорошо отапливалась по сравнению с моей (какие-то проблемы с проведением отопления), поэтому чувствовала я себя вполне комфортно.

Я растянулась на покрывале, усыпанном рисунками с нежными винтажными розами, и сунула руку под подушку, прямо под наволочку. Так мне удобнее всего. Но кое-что меня смутило на этот раз, а именно то, что рука моя наткнулась на какую-то бумагу. Я ахнула. Усталость мою как рукой сняло.

Да, бумага действительно оказалась письмом. Крупный витиеватый почерк был похож на женский, но на самом деле написано оно было мужской рукой.

Боже, тут и признание в любви, и прощание. Кто-то любит мою маму тайно. Какой ужас. Такого я не ожидала. Похоже на какую-то злую шутку. Не могу поверить, что такое вообще возможно в моей семье. Жаль, что нет конверта, я бы узнала имя этого человека. Такие высокопарные слова он пишет в своем послании, будто бы герой из какой-то очень старой прозы. Видно, очень образованный и, может, даже старше моей мамы. Но это лишь мои догадки, ведь с таким воображением, как у меня, я и не такое могу выдумать.

«Дорогая Жаклин, мне так много нужно тебе сказать. Мне так жаль, что все произошло именно так. Но я понимаю тебя, моя душа, мое счастье и моя тревога. Я знал, что ты не сможешь уйти из семьи, ты слишком благородная женщина. Никого я не любил так же сильно, как тебя. Кажется, впервые в жизни я полюбил по-настоящему: глубоко и искренне. Я пишу тебе так давно, но за эти пару лет ты ни разу мне не ответила. Это мое последнее письмо. Сожги его, чтобы никто никогда не прочел эти грустные строки. Пусть воспоминания обо мне будут лишь сладким сном для тебя. Вспоминай наши с тобой Париж, нашу веранду, наше место на том пляже... Ты такая красивая. Я буду любить тебя вечно, ведь ничего дороже тебя для меня нет и никогда не будет. Прости меня за все, ты достойна большего.

Твой Д.»

Я чуть было не расплакалась. Странные чувства мной овладели. Мне одновременно было жаль моего отца и того незнакомца. Как же это все неожиданно. Мама ведь всегда занималась своим коллекционированием и ничего вокруг не замечала, кроме старых безделушек. Она же была полностью в своем хобби, неужели это письмо может быть правдой? Я думала, что кроме отца у нее вообще никого и никогда не было. Как можно было поверить в измену? Это же мои родители, мои мама и папа. В моем мире они всегда вдвоем и любят друг друга по-своему.

Судя по письму, мама отказала этому мистеру Д. в пользу папы, так что все может быть не так плохо. Я спрятала обратно письмо. Надеюсь, что мама последует совету Д. и уничтожит послание. Отец не должен ничего знать, иначе это будет концом света.

Я вспомнила о том, что несколько лет назад мама часто ездила со своей старой подругой отдыхать пару раз в год. Возможно ли, что в одной из таких поездок моя мама встретила того самого Д.? Я могла бы подумать, что мама лжет и на самом деле отдыхает не с подругой, а с тем мужчиной. Но она всегда привозила из поездок кучу фотографий, где только она и ее подруга. Выходит, они отдыхают втроем? Столько мыслей теперь, голова вот-вот расколется.

Глава 6

«Я проснулась в поздний час и услышала какой-то шум в соседней спальне. Открыв глаза, я еще немного полежала, пыталась уснуть, но услышала, как скрипит кровать. Также я будто бы различила женский голос. Неужели чудится мне сквозь сон? А вот и голос Уилла. Он что-то громко сказал, а потом поспешино перешел на шепот. Женский голос отвечал ему что-то бесстыдно громко для столь позднего времени суток, но я не могла ничего разобрать. Может, это снится мне? Уилл никогда никого не приводил домой ночью и без разрешения отца, тем более женщины. Неужто в его спальне действительно дама? Но разве можно среди ночи девушке прийти в спальню к юноше, притом что они не женаты? Что они там делают, думала я, вспыхивая от мыслей, что стали лезть в мою голову. Постыдные образы рисовались в фантазиях моих, и я ворочалась в бессмысленной попытке уснуть. Я снова вспомнила, как отец назвал девушку Уилла «куртизанкой», и смысл слова стал более отчетливым для меня.

Я почувствовала, как горит мой лоб. Скрип кровати стал невыносимо громким, как гром. Я зажала уши, не желая этого слышать. Отец наверняка не услышит. Он спит в восточном крыле дома из-за своей особенности слуха. Дело в том, что он очень чутко спит и просыпается от любого шороха. Странно, но слух его обострился к семидесяти годам, что является невероятно редким явлением для его возраста. А Уилл часто возвращается по ночам с работы и очень громко стучит пятками, когда поднимается по лестнице.

Возня и легкие женские вскрикивания слышались за стеной, а я лежала, боясь пошевелиться. Моя кровать тоже сильно скрипела, и я боялась выдать себя любым телодвижением. Сердце мое сильно колотилось, и волнение в моей груди разрасталось.

Я вспомнила о своей старой подруге Бонни – озорной девчушке с двумя темными косичками и зелеными раскосыми глазами, с которой я отучилась в местной школе три года, перед тем как перейти на домашнее обучение. Как-то раз Бонни рассказала мне историю о том, что увидела в спальне своих родителей. В тот день она пришла в школу вся красная и с горящими глазами. Бонни так была возбуждена от увиденного, что не спала всю ночь. В красках описывая увиденное, она путалась в словах, и язык ее заплетался. Таинственные звуки и странные движения, о которых она мне рассказала в подробностях, привели меня – девочку десяти лет – в шок.

После той странной ночи мама Бонни обзавелась большим животом, а впоследствии и пухлым розовощеким младенцем, который оказался мальчиком.

Проворочавшись еще с полчаса, я не выдержала и вылезла из-под одеяла. Потом я медленно стала слезать с кровати, стараясь делать это как можно тише. Но предательская пружина в матрасе протяжно скрипнула. На миг стало очень тихо, и я замерла в ожидании, вслушиваясь в тишину.

Когда вновь послышалась возня, я резко вскочила на пол и на цыпочках пробралась к двери, которая вела в общий коридор. Очутившись там, я медленно пошла вперед по коридору, приближаясь к источникам шума.

Мои босые ноги ступали по мягкому красному ковру, а сердце готово было вырваться из груди. Все тело мое дрожало точно от холода, хоть в доме и было тепло. Мне кажется, что я почти не дышала, когда приблизилась к дубовой двустворчатой двери, за которой была спальня моего брата. К голове моей прилило столько крови, что я слышала лишь биение своего сердца.

Наклонившись к замочной скважине, я увидела удивительную картину, которая отложится в моей памяти до конца жизни. Лунный свет, лившийся в большое окно с треснутыми стеклами, которые дребезжали от сильного ветра, освещал просторную спальню с серыми

каменными стенами. Посреди комнаты стояла большая кровать с голубым балдахином, который обрамлял спальное ложе, будто завеса от внешнего мира и посторонних глаз.

Но кое-что не могло укрыться от моего взгляда. На кровати совершенно обнаженные тела бились в странном танце в такт биению моего сердца. В голове моей шумело, и глаза мои неотрывно следили за их движениями. Нечто темное скользнула меж бедер белокурой девушки, отчего я на миг перестала дышать, и теперь взгляд мой был прикован лишь к этому странному объекту.

Я услышала те самые удивительные звуки, о которых мне рассказывала Бонни. Они получались каждый раз, как темный объект прятался между ног дамы. Она тихо постанывала, будто у нее болит зуб, и крепко обхватила спину Уилла руками и ногами.

«Роуз, неужели это то, о чем ты думаешь?» – мысленно я задавала себе вопрос. Зрелище завораживало меня, волненьем отдаваясь во всем моем теле. А когда их движения стали совсем дикими и из уст девушки раздался то ли возглас от удивления, то ли нечто похожее на хмыканье, Уилл зажал ей рот рукой и вмиг они повалились вдвоем куда-то вбок, чуть не упав с кровати, и замерли.

В тот же миг я будто бы пришла в себя и часто-часто задыхалась, осознав, что совсем забыла о дыхании. Поспешив в свою комнату, я чуть было не споткнулась о ворс ковра по пути. Страх быть замеченной подгонял меня. Оказавшись в своей комнате, я укрылась одеялом с головой и почти сразу забылась глубоким сном. Проспала я до полудня».

Прошло две недели после того, как мы с Мэттью виделись. Не затянулся ли наш перерыв? Начались каникулы, и я почти не выходила из дома, постоянно засиживаясь в своей комнате и записывая любые сюжеты, приходящие мне на ум.

От Мэттью не было ни единой вестки. Я несколько раз срывалась и набирала его номер, но каждый раз он был недоступен. Его не было ни в одной социальной сети, и общих фотографий у нас тоже не было. Мне стало казаться, что наши отношения я просто выдумала, а возможно, и сам Мэттью являлся лишь плодом моей фантазии.

Мама ходила как ни в чем не бывало и ничего не рассказывала. Я думаю, что и не расскажет, даже если я сообщу ей, что все знаю. Да и как можно рассказать своей дочери о том, что изменяла ее отцу. Немыслимо.

Все две недели меня посещали лишь печальные мысли и я плакала по ночам, что так на меня непохоже.

«Что за мешки под глазами? – удивленно спрашивал меня папа, когда видел меня по утрам за завтраком. – Что у вас с твоим другом? Может, мне с ним поговорить?»

Мы с отцом мало общались, но он всегда видел меня насквозь. Я отвечала, что все нормально. А он говорил, что не верит, ведь мы с Мэттью давно не виделись и я «постоянно сижу в своей камерке». Камеркой папа называл мою спальню. Я отвечала, что пишу роман. «А-а-а, опять про этих вампиров и сумасшедших девиц», – бормотал он под нос, будто бы я его не услышу. «Я все слышу!» – наигранно возмущалась я, будто бы меня заботило его пренебрежение моим творчеством. Он был человеком старой закалки, и его негодование по поводу выбранных мной тематик моих произведений было мне вполне понятно.

«Целый месяц после той странной ночи я плохо спала, постоянно вслушиваясь в звуки, издаваемые домом. Больше подобного не повторялось, но я предчувствовала, что обязательно должно повториться, поэтому была начеку.

Каждый раз встречаясь где-нибудь в коридоре или в кухне взглядами с Уиллом, щеки мои становились бардовыми и все тело охватывала дрожь. Постоянно мне казалось, что мой брат каким-то образом заметил мое присутствие у двери своей комнаты, хоть я и понимала, что этого не может быть, ведь я была предельно осторожна.

Однажды он заговорил со мной по поводу уборки в его комнате и я так разволновалась, что потеряла сознание. Он был так удивлен, что даже вызвал мне врача, который в свою очередь выписал мне сердечные капли, после того как замерил мой пульс. Когда я стала их принимать, мне стало даже немного лучше и сон мой перестал быть настолько чутким. Я наконец-то стала высыпаться.

Прошла еще неделя, и как-то днем отец позвал меня поговорить в гостиную.

– Дорогая Роуз, присядь, – сказал он, приглашая сесть на диван, который стоял рядом с его любимым креслом, в котором он сидел и сейчас, завалившись на один бок. Он смотрел на меня любящими глазами отца, который очень гордится своим ребенком и лелеет его. – Хочу с тобой поговорить.

Примерно раз в полгода папа проводил со мной беседы, чтобы убедиться, что у меня все хорошо, что мне всего хватает и меня ничего не беспокоит. Сегодня был именно такой день. Я послушно присела рядом и взяла отца за руку, приготовившись внимательно его выслушать.

– Ты много учишься, и это не просто так, – сказал он. – Я договорился с очень хорошим мистером по поводу твоего дальнейшего обучения в университете. Ты еще так молода, но тебе нужно думать о будущем. Я бы очень хотел, чтобы ты стала ученой девочкой и добилась успеха. Ведь мир не стоит на месте и нужно идти дальше. Я очень не хочу, чтобы ты просидела всю жизнь в этом доме взаперти.

Ух ты, от услышанного у меня слегка закружилась голова. Вот почему папа делает такой большой упор на мое образование. Учиться в университете со своими сверстниками? Удивительно. Не думала, что когда-нибудь смогу уехать так далеко от дома.

– Но, папа, – ответила я. – А как же ты? Кто будет ухаживать за тобой?

– Ох, уж об этом не беспокойся, – хрипло посмеялся он. – Я найму слугу. У нас ведь так давно не было слуг, пора бы уже снять траур и двигаться дальше.

«Вот это да, – думала я, – не думала, что папа собирается когда-нибудь нанять прислугу после случившегося». Но он прав, сколько же можно быть в трауре?

– Папа, я так рада, что у тебя появились такие положительные настроения, – улыбнулась я. – Как я могу помочь тебе?

– В следующем году ты переедешь и начнешь учиться в высшем учебном заведении, но пока нужно напрячься и все силы направить на учебу. Теперь учитель будет приходить к тебе еще и в субботу. Он сказал, что тебе нужно подтянуть математику. Понимаю, как молодой девушке сложно дается эта наука, но она очень важна.

– Понимаю, папа, – кивнула я. – Ты прав, нужно напрячься. Где он находится?

– В Оксфорде, дорогая, – ответил отец.

Я еще не понимала, что на самом деле чувствую, но ожидание чего-то нового меня сильно взволновало, и сердце вновь забилося быстро-быстро, что закружилась голова. Оксфорд, казалось, так далеко.

– Что такое, дорогая? – встрепнулся папа, увидев, что я вот-вот снова упаду в обморок. – Уилл! Принеси воды! Скорее!

Из столовой выскочил мой брат со стаканом в руке. Я попила, и мне стало немного легче.

– Дочка, что с тобой? – обеспокоенно спросил отец, почесывая лоб. – Что-то в последнее время с тобой неладно. Думаю, что нужно снова вызывать врача.

– Нет-нет, – запротестовала я, приходя в себя. – Все хорошо, правда. Просто в последнее время постоянно льет дождь и я плохо сплю от шума. Но, кажется, погода налаживается, и теперь я буду спать крепко и наберусь сил.

Я выпалила первое, что мне пришло в голову, и, кажется, мой ответ удовлетворил отца.

– Хорошо, дорогая, – сказал он. – Иди отдохни в свою комнату, а через пару часов придет мистер Брук. А вот материалы для твоего обучения, обращайся, если будет что-то непонятно. Тут тесты и задания. Все книги у тебя уже есть.

Папа вытащил из своего портфеля целую стопку листов с обучающим материалом.

– Как скажешь, папа, – согласилась я. И побрела в свою спальню, где мне удалось немного поспать.

Позже, вдоволь позанимавшись математикой, я сидела на веранде в плетеном кресле рядом с домом, вышивала и посматривала вдаль на сосновый лес, который рисовался на горизонте темно-зеленой полосой. За ним была небольшая деревня, где и работал Уилл.

Неужели скоро я смогу уехать? Мне не хотелось покидать своего старого отца, но сердце мое теперь хотело свободы. Я жаждала приключений и новых знакомств. Раньше я и не осознавала, как сильно мне этого хотелось. Теперь я чувствовала себя как птица в полукрытой клетке, которая готовится улететь, но пока не знает куда.

Закончив вышивать красную розу, я сложила ткань и убрала в свою корзину для готовых работ. Я поставила ее рядом с собой на деревянный пол.

Что ждет меня там, за горизонтом? Наверное, там кипит настоящая жизнь. Мне так хочется объездить весь мир, открыть для себя много нового, встретить новых друзей. От этих мыслей настроение мое улучшилось. Буду заниматься как можно больше, чтобы наверняка поступить. У меня точно получится. Как же я рада, что отец хочет для меня всего самого лучшего. Я всегда была в нем уверена.

Прошла еще пара месяцев. Я готовилась ко сну чуть позже обычного, так как засиделась за книгами. Теперь я усердно училась, посвящая науке все свободное время.

Когда я легла в постель и расслабилась, до слуха моего донеслись голоса. Резко вскочив на постели, я стала вслушиваться. Неужели снова? Голова моя закружилась от нахлынувших воспоминаний, но я старалась держать себя в руках и не терять сознание в такой ответственный момент.

И правда, я вновь услышала женский голос. Девушка много и сбивчиво говорила, а Уилл что-то изредка отвечал ей. Интересно, что они обсуждают?

Я долго сидела и вслушивалась, но ничего не могла разобрать. Как и в ту ночь, я медленно выбралась из своей комнаты и побрела к спальне моего брата. В этот раз было опаснее, так как я не знала, чем они заняты, и в любой момент могла открыться дверь.

Я заглянула в замочную скважину и увидела ту же девушку, которая была здесь той ночью, и Уилла. Они были полностью одеты и о чем-то горячо спорили, стоя у окна. Кажется, девушка в чем-то пыталась убедить Уилла. Она хватала его за запястья, прижималась к нему, а он только отдергивал ее руки. Прислушавшись, я смогла кое-что разобрать. Девушка говорила что-то об ее ужасном положении и что она не знает, как ей быть. А Уилл отвечал, что все это глупость и он знает какого-то врача, который может ей помочь. Но девушка не успокаивалась, и благодаря лунному свету я заметила, что по щекам ее катятся слезы. В ее глазах были такая мольба и страх, что у меня даже свело живот. Что такое у них случилось? Я видела, что Уилл злится на нее. Он по-прежнему не подпускал ее к себе близко, продолжая вырываться из ее объятий. «Прекрати!» – услышала я его грубый голос. – Я уже все сказал, и ничего не изменится». Никогда я не видела его таким свирепым. Лицо его было точно высечено из камня. «Но мы можем поженимся», – говорила девушка. Из горла ее вырывались рыдания. Меня всю затрясло от волнения. «Чушь! И слышать ничего не хочу. Ты и сама понимала изначально, что ничего не будет», – отрывисто говорил Уилл, провоцируя еще большие рыдания. Потом девушка прекратила плакать, села на край кровати и закрыла лицо руками. Она сидела так долго, а Уилл просто остался стоять у окна. Сначала он наблюдал за ней, а потом и вовсе отвернулся к окну, нервно почесывая затылок.

Я еще немного постояла у двери, наблюдая за ними, но ничего не происходило. Спектакль окончен. Поэтому я решила вернуться в свою спальню, пока те меня не заметили.

Когда я снова легла в кровать, я стала думать о случившемся. Что произошло между ними? Прележав так примерно час, меня стало клонить ко сну, и вскоре я забылась тревожными сновидениями, от которых наутро у меня болела голова».

Глава 7

Мы не виделись с Мэттью уже три недели, поэтому я сильно удивилась, когда обнаружила сообщение от него с просьбой встретиться. Я смотрела на экран своего смартфона и не могла поверить своим глазам. Быстро причесавшись и даже забыв накраситься, я выскочила из дома в первом попавшемся мне под руку наряде.

Встретились в одном из наших любимых кафе, которое находилось посреди парка, в котором росли зеленые дубы с сочными крепкими листьями и громко пели птицы. Мы часто пили там кофе и поедали пирожные, постоянно подшучивая друг над другом и рассказывая друг другу различные небылицы. Нужно было угадать, что из рассказанного правда, а что вымысел. Обманывать было нельзя, да и тогда было бы неинтересно играть. Нужно было рассказать друг другу пять правдивых и три лживые истории. Кто все отгадает, считался победителем и загадывал другому желание. Оно могло быть любым, но адекватным. У нас даже есть специальный список запретных желаний, которые нельзя было загадывать ни в коем случае. К ним относился бег по улицам голышом или поедание несвежих продуктов. Обычно наши желания касались только нас, и рассказывать о них мы никому не станем по понятным причинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.